

СОЗВУЧНОСТЬ ВРЕМЕНИ

НА ГАСТРОЛЬНОЙ
А Ф И Ш Е

ТЕАТР «НАРОДОВЫ» завершил свои вторые гастроли в Москве. На этот раз советские зрители увидели три спектакля — бессмертный шекспировский «Гамлет», поэму-драму «Бенёвский» Юлиуша Словацкого и «Три сестры» А. П. Чехова. Мы знаем польский театр, любим его за поэтичность, пылкий темперамент. И потому пламенный гений Ю. Словацкого, начертанного: «мой крик отчизны целой будет криком...», звучит в поэме-драме «Бенёвский», впервые поставленной на сцене, как гимн национально-освободительному движению и как художественный документ той эпохи.

Известный режиссер и актер Адам Ханушкевич, возглавлявший варшавский театр «Народовы», как автор сценической редакции поэмы «Бенёвский» использовал традиции польской романтической драмы, ее страстность и патристичность. Изымая ирония Словацкого сверкает в пестрой смене событий, обстоятельстве, персонажей. Скрывая за подержанной серьезностью насмешливый блеск глаз, А. Ханушкевич то вызывает на подмостки исполнителей, то называет сцены, то вмешивается в ход действия. Он выступает в спектакле и как актер — в роли «От автора» и как режиссер спектакля. Ему помогают девять муз. Но... музы ведь женщины, и они «путают» ход спектакля, забывая свой долг из-за блистательного Бенёвского — Даниэля Ольбрыхского, искрометный темперамент которого заражает жаждой жизни. И тогда саею волей режиссера А. Ханушкевич поворачивает спектакль в другое русло, заставляя звучать иные, глубокие темы, заставляя задумываться о судьбе народа.

«Три сестры» Чехова поставлены А. Ханушкевичем в манере «жесточкого водевиля» (так театр определил жанр этого спектакля). Мы все до сих пор под сбоянием мхаговской постановки «Трех сестер» К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, которая тоже хороша известна в Польше. Но время идет вперед, и, естественно, художник пытается прочитать классическую пьесу по-новому. Прав ли он? Может быть, прав. Все же спектакль в режиссуре А. Ханушкевича мне кажется во многом дискуссионным. И дело

не только в том, что, стараясь иными глазами взглянуть на мечты и страдания чеховских героев, режиссер ставит действующих лиц подчас в рискованные положения. Но и в том, что, к сожалению, тема мещанства как зла социального не прозвучала со сцены и духовный мир сестер Прозоровых приблизился к миру Наташи.

Более всего творческий поиск режиссера увенчался успехом в постановке «Гамлета».

...Три удара. Железом по железу. Будто выстрелы на пустынной улице Железный занавес со скрежетом поднимается вверх. Решетка Дания — тюрьма. Еще три удара — глуше. И опять скрежет. Это скрежещут заржавленные механизмы подъемного моста замка Эльсинор, словно гусеницы танков... Таково звуковое, ассоциативное образное решение спектакля. Скрежет будет усиливаться, нарастать. Со скрежетом распаиваются двери то ли тронного зала, то ли газовых камер Освенцима... С места сдвинутся стены... Это грохот войны? Или рушится мир застенок? Отзвук военных лет напоминанием пройдет по подмосткам, призывая к ответственности перед жизнью, предостерегая, требуя... Если ты остался жить, «живи грозой, иль вовсе не живи!..»

...Три стражника на подвесном мосту. Неспойно в датском королевстве. В Эльсиноре призрак. Картина промелькнула. И вот благополучная королевская чета, представшая перед нами в уверенности удовлетворенных жизнью людей, осыпает придворных милостями. Но почему же мы не забываем о тревоге? Может быть, потому, что в глубине сцены поблескивает

достаточно, чтобы Гамлет — Ольбрыхский отказался от мысли уехать в Виттенберг и прошел театристым путем к небитию через страстное утверждение — «**быть!**». Ответственность за торжество справедливости как требование человечества звучит набатом в груди Гамлета. В общечеловеческих проблемах шекспировской трагедии А. Ханушкевич отыскал созвучность времени.

Гамлет Ольбрыхского, может быть, меньше всего мыслитель. Он — боец. И бои закаляют его. В сдержанности поведения — внутренняя напеленность к решительной схватке. Вера становится страстной убежденностью. Он стал мудрее. Он понимает трудности победы.

Адам Ханушкевич и актеры театра сумели проникнуть в сложный внутренний мир героев Шекспира. Прекрасное исполнение ролей А. Лагицким (Клавдий), З. Куцовой (Гертруда), М. Дмоховским (Полоний), А. Ходаковской (Офелия), Г. Люткевичем (Могильщик), А. Иванцем (Лазрт) создает подлинно шекспировский спектакль. Условность оформления и костюмов не препятствует ощущению эпохи и стиля Шекспира.

В трагической симфонии спектакля мы слышим ведущую, гражданскую тему — ответственности оставшихся в живых.

Польский театр «Народовы», имеющий более чем двухсотлетнюю историю, все время в пути, в поисках значительных тем для взволнованного разговора с современниками. И потому встречи с талантливым ищущим коллективом не могут не радовать нас.

Юлия ПОКРОВСКАЯ,
кандидат искусствоведения.

черной кожей траурное платье светловолосого Гамлета. — Даниэля Ольбрыхского, уютно прислонившегося к холодной стене. Материнского поцелуя было